

александр петров

ИСКАТЕЛИ СЧАСТЬЯ

Александр Петров

Искатели счастья

«Автор»

2012

Петров А.

Искатели счастья / А. Петров — «Автор», 2012

Счастье каждый волен понимать по-своему. Для одних это – поесть-попить-развлечься, для других – найти супруга и построить дом, забраться на вершину горы или пьедестала. Но среди нас живут такие, для кого поиск счастья начинается в детстве и не заканчивается никогда. Этим странным людям тесно в земных границах. Они идут по пути восхождения к совершенству. Он только начинается здесь и уходит в беспредельную вечность – этот таинственный и неутолимый поиск Счастья. Герои этой книги живут среди нас. Оглянитесь – и вы увидите их. У каждого из них уникальный неповторимый путь, но цель одна – высшее, бесконечное и блаженное Счастье.

© Петров А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Предвкушение	5
1. Посев	6
Бегство семейства из града блаженного	6
В застенках	8
Горький привкус свободы	13
«Колизей»	16
Лавровый жернов	19
Последний год детства	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Петров

Искатели счастья

Предвкушение

Это был один из тех чудных дней, когда радость пронизывает тебя насквозь, а воздух наполняется радужным светом, в котором иногда слышится тихая музыка, зовущая вдаль.

Так случается в детстве, когда просыпаешься в первый день летних каникул. И вдруг понимаешь: сегодня вовсе не нужно идти в душную школу. Ты улыбаешься солнцу за окном и думаешь: идти с другом на ближний пляж, но дикий и неухоженный, – или на дальний, но чистый, с музыкой и вышкой для прыжков в воду. А можно еще собраться на рыбалку в затон и наловить ведро карасей. Или, скажем, убежать в парк – полетать на качелях до белых облаков. Или пригласить в кино самую красивую, таинственную девочку, от одного взгляда которой сердце проваливается в глубокую синеву неба, а тебе хочется только одного: бесконечно долго смотреть на неё и любоваться каждым движением тонких пальчиков, каждым взмахом пушистых ресниц. ...Или вот еще, можно взять из холодильника стакан с клубникой, посыпанной сахарным песком, расстелить на балконе одеяло и полежать с интересной книгой, подставив солнцу спину. Но детство ушло, и такое сейчас приходит ой как редко, почти никогда, потому и ценится особенно.

Это был день, когда вчерашние беды растаяли в прошлом, а сегодня ты чувствуешь себя необычайно легко. И тебе кажется, что будущее – это одно только счастье.

Это был день, когда со мной произошло самое большое открытие в моей жизни: смерти нет, а жизнь бесконечна! Открылось это не путём сложных размышлений, но каким-то дивным озарением: я увидел вечность, и она меня поразила невиданной красотой. Я обнаружил там всё, о чем мечтает каждый человек, о чем вдохновенно пишут поэты, чего желают друг другу в день праздника, о чем поют в самых задумчивых песнях, о чем шепчут ночью далекие огромные звезды. И этого «всё» там бесконечно много. И это «всё» так прекрасно, как не бывает в нашей обычной жизни. Потому что это – совершенное счастье и бескрайняя любовь.

Я сидел на скрипучем стуле в душевной комнате, видел свои руки, ноги, трогал лицо, волосы, уши, ощущал голод. А сердце по-прежнему оставалось там, в беспредельных сияющих красотах вечности, и совсем не хотелось ему возвращаться на землю. Рассудок пытался как-то всё это объяснить, подобрать слова... Я же отмахивался от его навязчивой работы и боялся только одного: растерять то ощущение безумного счастья, которое коснулось и опьянило. Мне было хорошо. Правда же, очень хорошо.

В тот день я ходил по земле, смотрел на небо, на зеркало озерной воды, наблюдал за полетом птиц, ползанием жучков, прыганием лягушек. В лесу трогал деревья, разглядывал цветы, бережно касался ягод, грибов, травы. Жадно вдыхал сладкие запахи лета и слушал пение птиц, шелест листвы, шепот короткого дождя. И всюду, во всём, на всём – на каждой малой былинке и великой огромности просторов и далее – видел отблеск того бескрайнего блаженства, которое незримо продолжало существовать и во мне, и в бесконечной вечности, и на земле. Казалось, вся огромная вселенная была окутана светящимся облаком великой любви.

В тот день я не подрос ни на миллиметр, не обогатился ни на копейку, не стал сильнее или умней. Только в сердце моем произошел такой переворот, от которого вся последующая жизнь изменилась полностью и бесповоротно.

1. Посев

Бегство семейства из града блаженного

Мне посчастливилось родиться в красивом городе на большой реке. Летом уезжал я из города всегда с сожалением, а возвращался каждый раз с необъяснимой радостью.

Там было уютно и хорошо, на моей улице, среди добротных каменных домов с гранитными цоколями, утопающих в густой зелени пирамидальных тополей, каштанов и акаций. В каждом дворе красовались цветочные клумбы, шикарные палисадники и каждый день наводили чистоту. Солнце сияло там почти непрерывно, поэтому, почитав однажды Александра Грина, я стал называть мой город Зурбаганом. Нигде больше, ни в одном городе вселенной не довелось мне столько смеяться и пролить столько горячих слез. Больше нигде не увижу таких ярких звезд, просторной и ласковой речной воды и огромных белых кораблей.

Нигде летние вечера не будут такими теплыми и ароматными, а бабушки такими добрыми и тихими. Они уютно сидели на лавочках у подъездов и следили за порядком, чтобы ни дай Бог кого не обидели, особенно маленьких. Там окна домов с обеда до ночи открывались нараспашку и оттуда лились головокружительные запахи горячих пирогов, жареного лука и домашней колбасы, а так же тягучие душевные песни. Там свадьбы и поминки справляли прямо во дворе. Выносили столы, застилали клеенкой и выставляли салаты, солености, колбасу, скороды с шипящим мясом, бутылки домашнего вина, конфеты для детей, которые крутились тут же, подбегая к пирующим родителям.

И больше никогда не пожмет мне руку друг детства, и не обнимет за плечо, и не станет на душе так тепло. И не поцелует мою ободранную в драке щеку самая красивая в мире девочка так благодарно, робко, ласково и неумело – потому что первый поцелуй бывает только раз.

Моих родителей направили в этот город, в мой солнечный Зурбаган, по комсомольской путевке после войны. Тогда среди дымящихся руин стояли только двенадцать уцелевших домов. Можно сказать, что возрождала мою малую родину вся страна. И надо сказать, получилось у нее это неплохо. Главными объектами внимания строителей были, конечно, гидроэлектростанция и крупные заводы, которые обеспечивали сталью восстающую из руин страну. Но и жилые дома, и парки, и любое здание там строили прочно и красиво, будто на века, на удивление потомкам.

Собрать на прощанье друзей не получилось. Еще вчера я прожил обычный день, и вдруг сегодня среди ясного неба, ударил гром, мебель срочно за пару часов погрузили в контейнер и увезли. Оставшиеся вещи упаковали в ящики и отправили вдаль «малой скоростью». Я только и успел, что обойти друзей и поставить их перед фактом: уезжаю куда-то очень далеко. Они мне как-то неумело сочувствовали, вздыхали, хлопали по плечу и еще раз вздыхали, когда я уходил, на этот раз наверное, с облегчением.

Потом зашел к Ирэн – так она себя называла. Мы с этой девочкой дружили с первого класса, поэтому я называл ее «другиней». Ирэн отличалась от остальных девочек моего окружения стальной волей, решительностью, и жуткой энергией. Она лучше мальчишек лазала по деревьям, ловила рыбу, дралась и училась. Лет в тринадцать из голенастой девочки-подростка превратилась в красивую стройную девушку и выглядела старше нас. Но взрослая красота не отдалила ее от меня. Мы до последнего дня запоем читали друг другу стихи во время прогулки, на перемене или по телефону. Мои детские стихи и рассказы она, в отличие от меня, аккуратно записывала в роскошный сафьяновый альбом и требовала моей подписи и даты публикации под каждым из них. Туда же, в альбом, она вклеивала наши фотографии, вырезки из

журналов, рисовала орнамент цветными карандашами и фломастерами, привезенными папой из Франции.

В прощальный вечер Ирэн смотрела на меня как всегда в упор. Ее огромные карие глаза сияли, как черные агаты, волнистые каштановые волосы взлетали от каждого взмаха длинных рук, шелковое бирюзовое платье трепетало на ветру. Я ею любовался, и не пытался это скрывать. Она сказала, что когда-нибудь станет богатой, будет жить в шикарном двухэтажном особняке на берегу моря. Тогда она меня найдет и обязательно подарит мне белый «Кадиллак», длинный, с крыльями, сверкающим бампером, обитый изнутри алой кожей. Я сяду за руль, она рядом – оба в белых одеждах – и поедем туда, где сверкает сине-белыми фасадами, зеркальными витринами – город нашей мечты. А напоследок она сказала, что у нее никогда больше не будет такого верного друга – и убежала. Я смотрел ей вслед и ошеломленно думал, как это жестоко – вот так взять и вырвать человека с корнем из счастливого детства. Отнять любимый солнечный Зурбаган, друзей детства, первых девочек и всё-всё, что было хорошего.

Прощание с Первой любовью получилось еще более скомканным. Её родители каждую минуту выглядывали в открытое окно и звали дочь ужинать. Девочка с трудом подняла на меня дивные серо-голубые глазки, покраснела, пролепетала о письмах и протянула мне тонкую белую ручку. Такое с нами происходило впервые, опыта прощания у нас не было, поэтому всё получалось неправильно, без должного пафоса. «Прощай, моя любовь, прощай на веки!» – звучало в моей всклокоченной голове. Я впервые чувствовал себя больным проказой, изгнанным из города медленно умирать среди бродячих псов.

Однако, покидать родину, друзей, первую любовь мне очень не хотелось, поэтому заранее невзлюбил город, куда мы переезжали.

В застенках

Выросший в центре крупного роскошного города, с трудом я привыкал к пустому двору и панельной пятиэтажке на окраине чужого грязного городка. Здесь всюду пахло тошнотворным дымом от горящего торфа, которым строители отогревали мерзлый грунт. И еще – вездесущим перегаром, веявшим от людей. Пили здесь почти с самого детства. В каждом доме вместо графина с водой на видном месте стояла трехлитровая банка с мутной брагой. Не раз доводилось видеть пьяных детей.

Соседями со мной по парте побывали последовательно: тихая сухопарая второгодница Эля с тиком лица, лысый Вова с хроническим насморком, Вася с больными ушами, из которых неприятно пахло. Я относился к ним, скорей с жалостью, помогал с уроками, на диктантах и контрольных, только говорить с ними было не о чем. Да они и не стремились к общению. Однажды Вася попросил зайти к нему в гости, помочь с алгеброй. В прихожей увидел я резиновые сапоги и спросил:

- У тебя папа электриком работает?
- Нет, водителем.
- А сапоги резиновые зачем?
- Как это? – удивился тот. – По грязи ходить. Вот снег растает, узнаешь.

После решения задач по алгебре, его мама пригласила нас за кухонный стол. Она удивилась и слегка обиделась на меня за то, что я отказался пить мутную брагу. За столом мне пришлось подслушать странный диалог:

- Васька, ты за своими морскими свиньями будешь убирать?
- Буду, – кивал Вася, хлюпая кислыми щами с выменем вместо мяса.
- Дак, убери, а то свинячьи «ховны» уже по всей «фатере» раскиданы.

Дома я пытался узнать у мамы, насколько неучтиво отказываться в гостях от бражки, а так же значение слов «ховны» и «фатера». Она только прыскала в ладошку и просила больше к ним в гости не ходить. А к кому тогда ходить? В конце нашей потешной беседы я сообщил маме о необходимости купить мне резиновые сапоги, чтобы не утонуть в грязи. От этого ее чувство юмора сразу иссякло.

Морозная снежная зима и затяжная весна приучили меня к одиночеству. Удивительно быстро привык я к окружающему серому унынию. Грязь и вездесущий смрад, повальное пьянство и грубость – все меньше раздражали. «Ко всему привыкает человек, и Герасим привык к городу», – бурчал я под нос из Тургенева, все больше удивляясь своему душевному отупению.

В апреле в моем Зурбагане, мальчишки обычно открывали купальный сезон. Там, далеко за лесами и полями, мои друзья прыгали с вышки в прохладную воду, получали первые солнечные ожоги. Там деревья одевались в нежную пахучую листву, распускались цветы и по голубому небу медленно плавали белые облака и горячее солнце. А здесь трещали морозы, а люди ходили в туннелях высоченных сугробов. Отец возмущался: «В апреле земля прееет, а тут стужа, как на Северном полюсе!»

Когда, наконец, растаял снег, а до лета было, как до Луны верхом на черепахе, от нечего делать ходил я пешком до центра города. Над головой висело серое небо, под ногами хлюпала грязь, мимо шли чужие люди, проплывали безликие коробки домов, пустыри, а душу заполняла до краев устойчивая мутная пустота. В голове звучала песня Хампердинка:

Lonely table just for one,
In a bright and crowded room.
While the music has begun,
I drink to memories in the gloom.

Иногда я оглядывался и, если рядом никого не обнаруживал, пел баском во весь голос: «Ло-о-оунли тэ-э-эйбл дж-а-аст фор уан...» И мне казалось, что это я сижу за столиком для одного в комнате, набитой людьми, слушаю музыку и глушу воспоминания, бередящие душу. Странно, мне было вполне комфортно шлепать в резиновых сапогах по грязи и упиваться одиночеством.

Когда мне удавалось выйти из уютного внутреннего мирка и оглянуться окрест, удивляла вот эта вездесущая серость. У здешних людей напрочь отсутствовала потребность украшать окружающее пространство, созидавая вокруг себя красоту. ...Разбивать клумбы, сажать цветы, деревья, декоративные кусты; красить бордюрные камни белым, выстилать цветными плитками дорожки, раскрашивать фасады сочными красками... Их вполне устраивал вот этот барачный стиль, грязь, хаос, вонь. На память приходили где-то читанные слова: «Гражданин начальник, эти люди работать не будут. Эти люди солнце называют балдой».

Пройдясь по центру города, непременно оседал на лавку в оазисе номенклатурной красоты в виде голубых елей и огромной клумбы перед зданием Совета Министров. Безмысленно глазел на памятник вождю с подозрительно раскосыми глазами на скуластом лице, который выпростанной правой рукой указывал направление к всенародному счастью. Я прослеживал директивную траекторию, и мой пытливый взор упирался в общественный туалет. Что ж, у каждого свое представление о счастье...

Несколько раз доводилось видеть тут странных персонажей, будто на машине времени переместившихся из далекого прошлого. Представьте себе человека в овечьем зипуне, в лаптях с онучами и деревянным крючковатым посохом. За плечами – торба из потемневшей бересты. Как правило от него метров за десять разило... скажем, непередаваемым духом средневековой дикости. Я вспоминал кафе, куда мы ходили в детстве пить молочные коктейли с пирожными, аромат ванили и свежесмолотого кофе, витающий среди столиков и колонн. Веселую официантку Валу в белом накрахмаленном переднике, которая подносила напитки со сладостями и всегда радовалась нашему приходу. Настоящий цветной телевизор. Музыкальный автомат с пластинками Джанни Моранди, Робертино Лоретти, Ларисы Мондрус и Эдуарда Хиля. Мы одевались туда как на праздник, в белые рубашки с галстучками или даже бабочками, девочки – в светлые платья, белые колготы, на головах банты – и чувствовали себя почти взрослыми. ...А этот человек в зипуне позапрошлого века, может, ни разу и ванны-то не видел... Как же по-разному живут люди в нашей огромной стране!..

Здесь на центральной площади, всегда заглядывал в книжный магазин, покупал очередной детектив Богомила Райнова про болгарского разведчика Эмиля Боева. Девушки-продавщицы меня узнавали и протягивали то «Господин Никто», то «Нет ничего лучше плохой погоды», а то «Инспектор и ночь». Райнов писал от первого лица в настоящем времени, этот прием давал полное погружение в мир главного героя, делая читателя соучастником событий. Ты ловил себя на мысли, что даже думать начинаешь как герой. Эмиль Боев в меру благороден, ироничен, у него приятный юмор. Родину любит и защищает без пафоса, профессионально и даже изящно. Но самое главное для меня – он одинок среди врагов и это не мешает ему спасти Родину от продажных шпионов-перебежчиков.

Открывал наобум книжку и читал вслух:

(Боев час назад освобожден из греческой тюрьмы) «Заведение утопает в розовом полумраке. Из угла, где играет оркестр, доносятся протяжные стоны блюза. В молочно-матовом сиянии дансинга движутся силуэты танцующих пар. Я сижу за маленьким столиком и... вижу лицо седоволосого, очертания которого расплываются и дрожат, словно отраженные в ручье. Головокружение вызвано... переменой, наступившей столь внезапно, что я ощутил её как зуботычину. Превратности судьбы, сказал бы полковник».

Или вот ещё:

«– Вы очаровательная женщина, Мери! Рослая, дородная, настоящая женщина!

– Правда? – вспыхивает скорбящая и снова откидывается на спинку дивана. – А тут всё живое на здешних выдр кидается...

– Вешалки для модного белья, – бросаю я с презрением. – Извращённость...

Это болгары так о парижанках?..

Или вот эта песенка, которую они пели в дождливом Амстердаме:

А мы люди другой породы!

Нет ничего лучше плохой погоды!

От души благодарил девушку-продащицу. Пока она пробивала чек, неустанно улыбаясь, шепотом напевал песенку «Би Джииз»: «To love somebody, To love somebody...», она подхватывала: «...The way I love you» – мы понимали друг друга. Вздыхал, опускал книгу в карман и в предвкушении приятного вечернего чтения с улыбкой выходил из магазина.

Затем по трущобам, мимо двухэтажных барачных с неистребимым запахом керосина и частных домишек с черными заборами спускался к реке. Здесь швартовались белые теплоходы из дальних стран и городов. Эти белые гиганты с золотыми поручнями и синими надписями по бортам казались пришельцами из другой жизни. Я наблюдал, как по палубе гуляют веселые, красиво одетые люди, играет музыка, и мне казалось, что этот праздник у счастливых пассажиров никогда не кончается. Но, странное дело, ни разу не пришлось на ум поставить себя на их место или как-то стремиться в их среду.

Возвращался домой на троллейбусе и плелся пешком домой. В конце нашей улицы, сразу у кромки леса находился морг мединститута. Если обойти здание и заглянуть в окна, можно было увидеть, как студенты потрошат желтые безропотные трупы. Здесь шныряли толстые крысы и бродячие собаки устраивали ночные концерты под луной. Проходя мимо этого мрачного здания, мне представлялось, как однажды и меня привезут сюда, и такие же пьяненькие студенты будут препарировать мое холодное тело. Интересно, удастся ли мне понаблюдать за этим процессом? И каким образом: изнутри или снаружи тела? Вот будет страху, если изнутри! А если снаружи, в отдалении, неужто это будет так уж проще – тело-то, как ни крути, моё, родное, столько лет ношенное!.. Отойдя подальше от морга, я тряс головой, чтобы отогнать малоприятные мысли. Но удавалось это не всегда.

Летом предстояло мне узнать, почему этот город называют Северным Парижем: вовсе не из-за красоты улиц, а за «свободную любовь». Мне доводилось проходить мимо таких «свободных» парочек в лесу, что стоял рядом с нашим домом. Отстраненно скользил по ним праздным взглядом и с чувством легкой брезгливости проходил мимо, как в зоопарке мимо клетки с обезьянами.

Впрочем, первое лето принесло немало открытий. Переписка с друзьями детства прекратилась. На практике узнал я, что такое «с глаз долой – из сердца вон». Всего за полгода испортились «верная дружба на всю жизнь» и первая «любовь до гроба». Последнее письмо пришло от «другини» Ирэн – шутивно-грустное, в котором сквозило отчуждение и жалость ко мне. Она сообщала о скором переезде в Горький, куда направляют ее отца «на повышение».

На вакантном месте ушедших друзей детства стали появляться новые, из числа аборигенов. Поначалу ко мне долго и весьма недружелюбно присматривались в школе. Я же, поглощенный ностальгией и перепадами настроения переходного возраста, не очень-то стремился дружить с ними, чувствуя себя чужим. Учителя в нашей школе казались слабыми, многие даже по-русски говорили неправильно. Наш классный руководитель то смущался в моем присутствии, то багровея кричал в ответ на мои шутки: «Не заострите, пожалуйста!» Местные взрослые к детям почему-то обращались на «вы», а между собой на «ты».

В девятом классе среди учителей появилась замечательная пара. Молодые, красивые и загорелые, только вернулись из Индии. Представились Еленой и Аркадием, объяснив нам, что по отчеству называть их необязательно – это «недемократично». Елена вела русскую литературу и очень увлекательно рассказывала об Онегине и Ганди, Чацком и Артуре Миллере. Аркадий стал учителем пения. Не стеснясь курил сигары, от него приятно пахло дорогим одеколоном и виски. Носил на уроки английские книги и журналы. Разучивал с нами песни «Биттлз», Хампердинка, Тома Джонса и громко пел их красивым баритоном под аккордеон. Его музыкальные истории завораживали: «Хрупкая девушка, едва касаясь половиц легкими ножками, светлой тенью скользила по комнате, и только расстроенный рояль отвечал на каждое её движение слабым эхом забытых мелодий. Они были так одиноки в этом грубом мире: девушка и рояль».

Однажды Елена пригласила меня к себе в гости. Поила английским кофе «Strong Tiger», крепким, словно коньяк. Угощала французскими конфетами. Показывала стерео-фильм о Белом доме – жилище президента США. Заглянул муж Аркадий, извинился, что занят телефонной беседой с английским другом-профессором. Потом она читала свои стихи, играла на пианино. От нее сладко пахло французскими духами. Курила она тонкие сигареты с ментолом и очень удивилась, когда я от них отказался: «Вы, Юрий, уже взрослый юноша и вполне могли бы себе позволить маленькие удовольствия». Зажигала ароматические свечи... С ней было здорово и необычно!

Летом по окончании мною девятого класса они снова уехали, на этот раз в Вашингтон. «Разведчики! – констатировал отец. – Иначе, кто бы им позволил так свободно себя вести» – и сунул мне для ознакомления книгу Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» – «Сравни. Из той же породы! По всей Европе разъезжал беспрепятственно. Сталинский агент».

Потом во втором полугодии девятого класса появился Лешка. Огляделся, спихнул золотушного Васю на заднюю парту, а сам по-хозяйски расположился на моей, третьей у окна. И сразу объявил, что его папа замминистра, поэтому он берет меня под свое покровительство. Я почему-то сразу вспомнил, как мой отец вернулся с приема в местном министерстве и долго смеялся: «У меня кабинет и зарплата больше, чем у этого кукольного министра! Смех да и только!» Отец тогда по приказу партии и правительства «поднимал» какое-то управление из руин, в которые его повергли пьянство и воровство местного начальства.

Да, да, помнится, меня это удивило: странный неказистый городок неожиданно оказался столицей! Республиканским центром с собственным правительством, министрами и культурной элитой. Здесь книжные магазины и библиотеки таили на стеллажах книги, которые в европейских городах страны днем с огнем не найти. Спортom увлекались все. Зимой освещенные лыжные трассы не пустовали почти круглосуточно. По выходным и вечерами выходили на лыжню целыми семьями, от бабушек до внуков. Спортивные залы, клубы и стадионы переполняли желающие тренироваться.

Учебой я себя не очень-то отягощал. Но при этом отметки в табеле преобладали более «отличные», чем «хорошие». Мне постоянно казалось, что учителя слишком переоценивают мои знания, да и меня самого. Вот и на олимпиады по физике, математике и литературе выдвигали регулярно, а команда нашей школы занимала там призовые места. Дисциплину мою тоже вряд ли можно было назвать образцовой. И болтал на уроках, и книжки под партой читал, и раз даже окно камнем разбил – но всё мне сходило с рук. И вместо вызова на педсовет или двойки по поведению самое серьезное порицание, что получал – это неодобрительное покачивание учительской головы.

Практически один рисовал я классную стенгазету, а позже еще и общешкольную. Почему бы и нет?... По привычке занимался легкой атлетикой, носился на велосипеде летом и на лыжах зимой. Запоем читал книги. Наверное, все это как-то притягивало ко мне Лешку и его друзей. Меня стали приглашать на вечеринки, в театр, на пляж. Появились новые друзья и подруги.

Там, на пляже меня снова посетило удивление. Местные парни по причине всеобщего увлечения спортом выглядели вполне прилично: мускулистые, по большей части коренастые. Среди них встречалась какая-то весьма интересная порода – светловолосые, высокие, стройные ребята. Их лица напоминали английские: тонкий нос, высокий лоб, светлые волосы и серо-голубые глаза. А вот девочки меня очень разочаровали... Их ноги были двух типов: Х-образные или О-образные. Раньше мне как-то не приходилось этого замечать, а тут обратил внимание – и загрустил. После обнаружения этого всеобщего уродства, все остальное в девичьем облике меня переставало интересовать. Я как-то спросил маму:

– Это что, у всех девушек такие ноги?

– Нет, мой взрослеющий сын, слава Богу, не у всех.

Потом посмотрела на меня и грустно сказала:

– Жаль, что твое взросление происходит в этом городе. Знаешь, папа ведь хочет, чтобы ты здесь поступал в институт. Ему легче будет тебя тут устроить.

– Нет, мам, после десятого я поеду поступать в Нижний. Не думаю, что у меня будут с этим трудности. Мне здесь... душно. Тесно.

– Понимаю... Ладно, посмотрим. Ты только учись получше. Тебе нужна медаль. Тогда поступишь.

– Насчет этого не волнуйся.

– Ну да, девочки тебя волнуют, наверняка, больше, чем учеба, – улыбнулась она.

– Одно другому не мешает, – успокоил я маму, – они существуют в параллельных плоскостях, которые, как известно не пересекаются.

– Дай-то Бог.

Вообще-то опасения мамы были вполне оправданны. Как ревниво заметила моя «другиня» Ирэн: «Душа у тебя вместительная, как чемодан эмигранта» – это по поводу того, что я способен любить не только одну девушку (Ирэн, в данном случае), но многих и многих людей разного пола и возраста. Одновременно.

Горький привкус свободы

Именно у Лешки впервые оглушил меня зарубежный рок. Виниловые пластинки с песнями «Биттлз» и «Роуллинг стоунз» свободно крутились в комнатах моих новых друзей, детей номенклатурных работников. Почему-то у них в обязательном порядке дома стояли стерео-проигрыватели «Вега-101» в паре с магнитофоном «Романтика». Из двух стерео-колонок, гремела необычная объемная музыка, перетекая справа налево и обратно. Иногда казалось, что ты находишься среди музыкантов и различаешь, где кто сидит и на чем играет.

Мы с легкой дрожью в руках разглядывали вырезки из иностранных журналов с фотографиями рок-знаменитостей. О, как же они отличались от нашего унылого окружения! Насколько притягивала их раскованность, длинные волосы, небрежные жесты, роскошные автомобили, яркие экстравагантные одежды. Казалось, что они живут полнокровной жизнью, которая для нас была недоступна, как звезды на небе.

Пожалуй, в моей серой действительности появились неожиданно яркие вкрапления.

В первый раз я почувствовал себя «свободным человеком», когда Лешка протянул мне шкалик с коньяком и зажженную сигарету, а я согласился и взял. Это случилось в лесу, куда мы часто ходили на прогулку. После нескольких отчаянных глотков рот обожгло, желудок стал угрожающе сжиматься и подпрыгивать, череп сдавило, голова слегка закружилась. Глубокая затыжка намного усилила отвратительные ощущения. Лешка смотрел на меня в упор и криво усмехался. С большим трудом удалось мне подавить тошноту и рвоту. Я глубоко дышал и, чтобы не потерять ориентацию, смотрел по сторонам, устремляя внимание на окружающие деревья.

– Ну как, выжил? – спросил он, когда мы пришли к нему домой.

– Как видишь, – протянул я, утопая в кресле. Чувствовал себя отвратительно.

Видимо, Лешка принял у меня экзамен на испорченность, потому что стал со мной более раскованным и дружественным. Он подошел к музыкальному центру, порыскал по полкам с дисками и кассетами и поставил запись. Из стерео-колонок раздалась музыка «Би Джииз». Это был тот самый альбом, который они записали вместе с Лондонским симфоническим оркестром. Лешка поднял палец:

– Послушай вот это! Обрати внимание, он город Массачусетс называет «дайлинг» – так обычно обращаются к любимой девушке.

Тошнота у меня прошла, и наступило полное расслабление с легким приятным головокружением. Солист пел нормальным мужским голосом, а не фальцетом, как позже. Бархатный баритон пел о том, что он вернулся в любимый город, как в свой родной дом. Мягко лилась плавная музыка, слышались гитары, скрипки, виолончель и мелодичный перезвон колокольчика с тонкой вибрацией на средних частотах. Певец объяснялся в любви к своему городу. Передо мной же проплывали картины моего родного города. В отличие от певца, я точно знал, что в свой советский Массачусетс не вернусь никогда. От этого в моей душе стало и сладко, и горько, и... спокойно. Нет, так нет! В конце концов, у меня был мой персональный «дайлинг Массачусетс», мне там было очень хорошо, и никто его у меня не сумеет отнять! Я его люблю и буду любить и вспоминать всю жизнь. А у этих ребят и того нет.

Кстати, позже я узнал, что Алексей ошибался. В тексте песни была строчка «And the lights all went out in Massachusetts». И вот эти слова – «вент аут ин» – звучали, как «дайлинг». Удивительно, но наше восприятие песни было порой глубже, чем у авторов. Во всяком случае, в моей памяти так и осталось это почти родное «дайлинг Массачусетс», и эти слова напоминали моё собственное отношение к моему солнечному Зурбагану.

Еще позже ко мне придет выстрадавшая уверенность в том, что песни лучше вообще не переводить с языка оригинала. Ну, знаешь о чем в ней поётся, различаешь какие-то слова

– и будет с тебя. Во-первых, вас почти всегда ждет разочарование, а во-вторых, наши любители рока воспринимают западные песни на более высоком уровне. То ли душевности у нас побольше, то ли их песни нам доставались труднее, поэтому и любили их больше... В песне существует мистическая красота, глубина переживаний, наивная искренность – это передается музыкой, ритмом, вибрациями голоса, инструментов. Там, в душе песни, есть подводные струи, которые тебя увлекают и уносят в мир твоей мечты, твоих стремлений. Нет, не стоит нам уподобляться западному способу восприятия, у нас своя мера, отнюдь не хуже. Не помню, чтобы у нас под битловскую «Девушку» («Girl») кто-то истерически визжал, как на зарубежных концертах. Зато много раз видел, как под нее думают, мечтают, плачут.

Через неделю после «экзамена» в лесу Лешка протянул мне билет на концерт югославской рок-группы «Монтенегро». Сквозь милицейское оцепление и толпу фанатов мы с трудом пробились в концертный зал. В буфете перед нами оказался невысокий брюнет с длинными волосами в шутовском наряде. Лешка толкнул меня в бок и шепнул: «Это один из них!» и сунул парню билет для автографа. Тот сгреб со стойки бутылки пива и на ломаном русском попросил Лешку помочь донести вязанку копченой колбасы. Вернулся Лешка радостным, помахивая автографом и куском сервелата. От него пахло пивом. Видимо, угостили зарубежные исполнители.

Первый живой концерт рок-музыки меня потряс. От начальных аккордов гитары мне заложило уши, как от взрыва. Казалось, музыка проникала под кожу и мощно сотрясала внутренности. Вокруг творилось что-то невообразимое! Все кричали, размахивали руками, свистели. На сцене сверкали молнии, вспыхивали красные, синие, оранжевые огни, прыгали патлатые музыканты в трико и ботфортах. Из десятка динамиков на публику неслась звуковая лавина. Я испытывал щенячий восторг, смешанный с животным страхом. Моя психика сопротивлялась, как легкие первой сигарете. Но я преодолел какой-то невидимый внутренний барьер и отдался на волю мощного течения.

После концерта мы вышли в теплую летнюю ночь и направились к остановке троллейбуса. Лешка что-то возбужденно кричал, но у меня в ушах стоял свист, я почти ничего не слышал. На остановке скопилась приличная толпа, и мы решили пройти пешком. Улица смутно напоминала что-то очень приятное и знакомое. Двухэтажные дома утопали в зелени садовых деревьев, цветы красовались и сладко пахли, всюду чистота и уют. Да! Такие улицы были в городе моего детства рядом с центральным пляжем. Там селилось начальство. Видимо, и здесь проживали большие люди, потому что уж больно хорошо устроились. Я же просто шагал по чистой уютной улочке, вдыхал аромат цветов и ощущал в груди и на языке сладкую горечь ностальгии.

Внезапно в толпе, шагающей перед нами, мелькнуло знакомое лицо.

– Смотри: Зоя! Давай догоним, – крикнул Леша. Я кивнул.

Зоя появилась в нашем классе недавно. Ее отца, полковника инженерных войск, перевели сюда из Иркутска. У Зои были необычно для этих мест прямые ноги, да и вообще она внешне напоминала мне Ирэн: черные глаза, смуглая кожа, изящная фигурка, красивые платья. Только в отличие от «другини» детства, Зоя была удивительно тихой и замкнутой. С первого дня ее появления в классе мы с Лешкой соперничали за право ухаживать за ней, только девушка держалась от нас подальше. Видимо, ей стало известно о нашем реноме хулиганов-искусителей, которое мы создавали всеми средствами.

Особенно это удавалось Леше по причине наличия у него белого костюма, которым он пользовался в самых черных целях. О, что это был за костюм! Не просто там «пинжак со штанами» фабрики «Большевичка», а фирменный, из закрытого номенклатурного магазина. Финский! Легкий, как пух. Шелковая ткань с вискозой, если взглянуть на свет, казалась полупрозрачной. Не костюм, а симфония!

У меня же не то что белого, но и вообще костюма не имелось. Так что мне приходилось производить должный эффект обычными средствами: разговоры, улыбки, многозначительные взгляды – это действовало не хуже.

Зою сопровождал красивый белокурый парень. Это нас с Лешей, признаться, расстроило. Но девушка с кавалером были возбуждены так же как и мы, поэтому приняли нас в свою компанию гостеприимно. А парень по имени Святослав даже обрадовался тому, что появились мужчины, с которыми можно поделиться впечатлениями: «Ну что с девчонки взять? Разве они понимают настоящую рок-музыку?» Пока Слава с Лешкой наперебой обсуждали концерт, мы с Зоей немного отстали, и мне удалось узнать, что ее провожатый приходится ей братом-близнецом.

– Странно, вы почти не похожи: ты смуглая, а он блондин, – удивился я.

– Так бывает, – пояснила девушка, – близнецы или очень похожи, или разные, как позитив и негатив. В нашем случае, негатив – это я.

– Что ты, – воскликнул я, – негатив – это нечто негативное, а ты... такая красивая.

– Правда? – Смущенно улыбнулась Зоя. – Если честно, я так не считаю.

– У тебя даже ноги стройные! – выпалил я самый веский аргумент.

– Ты хочешь меня обидеть? – Почему-то надулась она.

– Что ты, Зоя, нет! Как можно. Просто, наверное, я не умею делать комплименты.

– Тогда ладно, прощаю. – Она подняла на меня свои огромные глаза цвета спелой вишни. О, сколько нерастроченной нежности прочел я в этом взгляде! Как сдавило сердце от накатившей теплой волны!

Мы поговорили еще о чем-то, и я решил: теперь-то уж точно могу за ней поухаживать. Ан нет, приглашение погулять завтра вечером, девушка не приняла, сославшись на занятость.

Настали мучительные дни. Это напоминало болезнь! Всюду, где бы я ни находился, передо мной стояли вишневые глаза девушки Зои. Ее гибкие руки с длинными тонкими пальцами тянулись ко мне, я пытался их поймать, но они ускользали. Тонкая фигурка то приближалась и обдавала жаром, то вдруг удалялась и таяла в лиловом тумане. Со мной такое происходило впервые. Наверное потому, что я превращался в мужчину, и моё новое существо требовало в общении с девочками нечто иного, чем раньше. Зоя притягивала меня властно, как магнит железку. Сладость неясных желаний сменялась горечью потери. В моем воображении она была одновременно белоснежной лилией, черной лебедью, ядовитым плющом и неуловимой феей из красивой сказки.

«Колизей»

Между моим и Лешкиным домом находился странный район. В народе он прозывался «Колизеем». Единственный объект социально-культурного назначения в том краю, отдаленно напоминавший Римский Колизей, был стадион. Полуразрушенные его трибуны размещались полукругом с трех сторон. Соревнования там проходили редко, зато местными бандами использовался почти круглосуточно. Место это почти никогда не посещалось милицией, о нем ходила дурная слава. Даже днем проходить мимо было жутковато.

Однажды мы засиделись у Лешки допоздна, и его мать заставила сына проводить меня до дому. Лешка ворчливо оделся и повел меня не на остановку троллейбуса, а мимо «Колизея». Освещение здесь всегда отсутствовало, потому что лампы фонарей беспощадно разбивались под вопли: «темнота – друг молодежи!» Чтобы не утонуть в грязевых лужах, Лешка освещал наш опасный путь фонариком. Мы внимательно смотрели под ноги, старательно обходили грязь...

Вдруг от темноты отделилась «группа товарищей» и молча нас окружила. Луч фонарика метнулся по фигурам в телогрейках и по лицам людей. Мне они показались монстрами, вышедшими из ада. К нам вразвалочку подошел высокий парень с уродливым бугристым лицом и дохнул густым перегаром: «Закурить есть?» Мне приблизительно было известно, что за этим последует. Поэтому я мысленно решал вопрос: дать стрекача или вступить в неравную схватку? ...И вдруг:

– Фофан, ты что не узнал меня? – спросил Леша, осветив себе лицо.

– Лешка, что ли? – хрипло отозвался тот. – А это кто?

– Мой друг Юрка. Новенький. Недавно переехал из другого города.

– А чего же он не проставился, если новенький? Ты чего, малый, порядков не знаешь?

– Ну не успел еще. Проставится, не волнуйся.

– Даю три дня, – сурово прохрипел Фофан, глядя мне в глаза. – Три бомбы «Солнцедара» или ящик пива. Понял?

Молча «группа товарищей» расступилась и пропустила нас. Молча дошли мы до подъезда.

– У тебя деньги есть? – спросил Леша.

– Откуда? – ответил я сокрушенно.

– Давай что-нибудь загоним, – сказал Леша. – Книги можно или пласты.

– У меня из пластов только «Кругозор». Ты же знаешь... А книги продавать родители не позволят.

– Объясни им. Жить-то хочется.

– Ладно. Посмотрим.

– Пока.

– Давай.

К родителям обращаться я не стал. Решил посоветоваться с учителем физкультуры Димычем. Мужиком он выглядел бывалым, в шрамах и наколках. К тому же он меня уважал и часто выдвигал на городские соревнования.

После уроков я зашел в спортзал и объяснил ему свою ситуацию. Димыч спокойно выслушал, похлопал меня по плечу и сказал:

– Значит так. Ты, Юра, парень крепкий, спортивный. Тебе проставляться стыдно, понимаешь? Ты должен драться, а то они тебя за шестерку держать станут. Так и будешь всю жизнь им бутылки таскать. Это Лешка им свой. Они в один детсад бегали. И отец у него при власти. А тебе нужно себя поставить, заставить уважать.

– Да они там всегда бандами шастают. Что я могу с пятью-семью уродами сделать?

– Значит так. Биться будешь с одним. Понял! Я пойду с тобой и прослежу, чтобы все было по закону. А сейчас я тебя кое-чему научу.

Димыч распустил секцию легкоатлетов и повел меня в свой кабинет. Здесь у него висел боксерский мешок. Он достал из шкафа две пары жестких перчаток по 14 унций, и началась тренировка. Думаю, если бы кто-нибудь из школьного начальства узнал, чему он меня учил, Димычу пришлось бы искать другое место работы. Он обучал не боксу, а драке, жестокой и беспощадной. Эти три дня тренировок дали мне самое главное – уверенность в своих силах и бесстрашие. Самое необходимое, чему я научился – это входить в состояние боевой ярости.

Вечером, через три дня после той роковой встречи с Фофаном, я в жестких туристических ботинках с металлическими накладками на мысу, телогрейке с чужого плеча и с пустыми руками пошел на битву. Димыч обещал находиться в укрытии и появиться на поле боя в случае нарушения законов честной драки. По мере приближения к «Колизею», я делал всё, чтобы мой животный страх переплавился в боевую ярость. Делал всё, как учил меня Димыч.

– Не вижу бутылок с вином, – прохрипел из темноты Фофан.

– Я драться буду, – услышал будто со стороны свой голос, ставший чужим, – только один-на-один, по-честному.

– Фатовый, значит, – прошипел Фофан. – Тогда ладно. Жирный, сделай этого фраера.

Я стоял на месте, куда едва достигал рассеянный свет ближайшего фонаря. К тому же из облаков вышла полная луна. Ко мне из-под трибуны вышел парень, который на миг показался мне огромным. Тут я вспомнил слова Димыча, что не стоит бояться крупных соперников – их мышцы более скованы, они флегматичны и малоподвижны. Самые опасные – это поджарые шустрики.

Пока Жирный стоял напротив и нудно сквернословил, я следил за его руками. Как я и ожидал, он неуклюже шагнул ко мне – и в мою голову полетел его кулак. Я уклонился вправо и левой рукой нанес ему встречный удар в живот, затем сразу правой скользящий удар в висок. Моя левая нога сама собой встретила его лицо снизу, а правая заехала в ягодицу. Мой соперник рухнул на четвереньки в грязь. Ко мне из темноты выскочил разъяренный Фофан, но я успел шагнуть к нему на встречу и нанес быстрые удары в нос и горло. Он замер, задыхаясь, подняв лицо к небу. Из-под носа по губам и подбородку лилась черная в свете луны струйка крови.

Из темноты выскочили еще трое и окружили меня. Я ждал появления Димыча, ждал подлого удара сзади и последующего избияния ногами. Вертелся волчком, подпрыгивал то к одному, то к другому, но они трусливо отступали. Сердце бешено колотилось, страх полностью улетучился. В груди kloкотала одна лишь ярость и абсолютная готовность ко всему!

– Стоять! – прохрипел Фофан, вернувший себе возможность говорить. – Юрка, ты чего, гад, меня ударил?

– Прости, но я ждал твоего удара, и просто упредил его.

– А-а-а! Вона как! – кивнул Фофан, вытирая кровь рукавом телогрейки. – Правильно сделал. А то бы я тебя точно треснул.

– А как же наш уговор «один-на-один»?

– Да иди ты со своим уговором! Мне выпить хочется, а ты без бутылки пришел. Понял?! Жирный, ты очнулся? – обратился он к толстяку. Тот вяло поднимался и отряхивал грязь. – Добей гада!

– Лучше не стоит, – сказал я. – Не видишь, он в нокдауне.

Жирный чуть наклонился и с разгиба направил кулак в сторону моего лица. Я чуть уклонился, но удар достался моему левому плечу. Там что-то хрустнуло. И тут ярость взорвалась во мне, кровь закипела, и я набросился на Жирного, нанося удары слева и справа. Тот снова рухнул. Я склонился над ним и продолжал наносить удары. Ничего не соображал, ничего не боялся. Лишь бил и бил, безжалостно и тупо. Вдруг мне в плечо вцепилась крепкая рука и

отшвырнула прочь от поверженного противника. Я уже собрался нанести удар тому, кто меня одернул, но резко остановился. Мне в лицо весело улыбался Димыч.

– Да, Юрик, не думал, что мне придется эту шпану от тебя спасать. Если бы я тебя не остановил, ты бы один их всех завалил. Остынь. Бой закончен. Ты победил. – Потом он оглянулся на Фофана и его дружков: – Что же это вы, бакланы дешевые, законы нарушаете? Ведь если бы я не вмешался, тут сейчас уже пара трупов лежала. Вы что не видите, что парень спортивный, непьющий, некурящий. Да вы против него – шелупонь недоразвитая. Ладно, Фофан, остынь и ты. Вот тебе винище, – протянул он пакет, – давай выпьем на мировую.

Мы сидели на трибуне и испепеляли друг друга взглядами: Фофан и я. Если бы не Димыч, кто-нибудь из нас точно лежал бы мертвым. После распития первой бутылки вонючего портвейна, Фофан смягчился.

– Ладно, Юрка, не бойся, – захрипел он, хлопнув меня по больному плечу. – Ходи теперь тут спокойно. Я тебя не трону. Но если ты соберешь свою банду, то знай: война продолжится.

– Да не буду я банды собирать, – успокоил я его. – Мне не надо.

– Ой, врешь, – закачал головой Фофан. – Ты меня молодого напоминаешь. Я тоже сюда из другого района переехал. Меня тоже проставляться заставили. Только настоящему мужику это стрёмно. Я тоже бился. Как ты.

– Да нет, – сказал я, – точно не буду бригаду собирать. Обещаю.

Уходили мы с Колизея вместе с Димычем. Он пьяно хлопал меня по плечу и поздравлял с победой. Я вежливо поблагодарил его, вернул телогрейку и свернул к своему дому.

В ту ночь я не спал. Видимо, кипящая кровь не спешила остывать. Сидел в темной комнате у раскрытого окна и любовался звездным небом. На душе стояла неожиданная тревога. Вместо услаждения победой я снова и снова вспоминал свою бешеную ярость. Это почему-то меня сильно тревожило. Я почувствовал, что начинал бояться самого себя.

А если бы меня сегодня убили? Эта шпана разбежалась, а я бы остался валяться в грязи до утра, пока меня кто-нибудь не обнаружит. Потом повезли бы в морг, выпотрошили, потом нарядили, оплакали, упаковали в ящик да и зарыли в землю. И всё? И всё...

Нет, это какой-то абсурд! Это что же получается: честно жил, трудился, детей хороших воспитал – и в землю? Воровал, убивал, насиловал – и туда же? Нет, не может быть. Как там говорил киногерой Черкасова: «Всё остается людям»? Допустим. Мой дед оставил отцу. Отец тоже что-то делает и оставляет мне. А кто спросил меня: нужно ли мне это? Они там, значит, костями ложились, а я им говорю: отстаньте, предки, заберите с собой в землю свои труды. Я как-нибудь и сам проживу.

Вон, в моём Зурбагане после войны двенадцать домов осталось. Выходит, остальные тысячи зданий зря строили? Ведь потомкам они не достались. Значит, целые поколения – миллионы людей – прожили свою жизнь, потели, мучились, воевали – и всё напрасно? Чушь какая-то... Если бы так было на самом деле, большинство людей еще в юности кончало бы жизнь самоубийством. Ан нет, живут для чего-то. Значит, есть какая-то причина, кроме этого «всё», что якобы «остаётся людям». Ой, дурят красные нашего брата! Чую нутром: всюду ложь! Как там в детективах учат: ищи, кому это выгодно. Так кому? Уж точно не простым трудящимся. Не нам. И не мне.

Лавровый жернов

Следующее утро принесло головную боль от бессонницы и... славу! У входа в школу меня встретила толпа возбужденных поклонников. Меня хлопали по больному плечу и на все лады повторяли: «Молодец! Герой! Самого Фохана побил!» Пожимая руки, улыбаясь ликующему народу, краем глаза увидел в толпе Жирного. Он исподлобья смотрел на меня заплывшими злыми глазками, и этот взгляд ничего хорошего мне не предвещал.

Уроки пролетели почти мгновенно. Единственное приятное событие ждало меня по окончании последнего урока биологии. Ко мне подошла Зоя и попросила проводить её до дому. Оказывается, есть у всенародной славы и свои положительные моменты! Мы вышли под руку и не спеша добрались до угла здания школы.

Не успел я свернуть за угол, меня резко повернула невидимая рука – успел разглядеть лишь разбитое лицо Жирного и медленно летящий в меня кулак. Дальше – провал и продолжительный выход из нокаута. Время в таких ситуациях несколько замедляется. Сначала ко мне вернулось осязание: я почувствовал сквозь рубашку холод бетонной стены. Потом расслышал задорную переключку стрижей. Затем сквозь оранжевую пелену проступило смуглое лицо и вишневые глаза с длинными часто хлопающими ресницами. Потом ощутил на своей щеке прохладную девичью ладонь.

– Знаешь, Заинька, – медленно протянул я чужим голосом, – я готов каждый день получать по морде лица, только бы видеть тебя вот так близко.

– Дурачок, – ласково прошептала она. – Он же мог тебя искалечить.

– Имеет право, – рассудительно кивнул я удивительно легкой головой, – я его вчера публично унизил.

– Синяки и шишки на его лице – твоих рук дело? – полушепотом спросила она, промокая мой лоб маленьким надушенным платочком.

– Увы, да. Так что мне еще предстоит у него прощения просить.

– Не надо. Снова подерётесь. Он уже с тобой расквитался: у тебя под глазом синяк будет.

– Ерунда, – сказал я вставая с корточек, – Шрамы и ссадины – украшение мужчин.

– И фонарь под глазом? – улыбнулась Зоя.

– Это тем более! – уверенно кивнул я. – Кажется, на сегодня с драками покончено. Соперник трусливо удрал после нанесения подлого удара. А я обязан доставить тебя домой в целости и сохранности. Пойдем?

– Идем, охранник, – певуче протянула девушка, легким касаньем руки обнимая мое предплечье.

Я был счастлив! Меня избили на глазах самой красивой девушки школы, района... да что там – вселенной! А я шагал, как по воздуху, и в сердце невидимые трембиты с литаврами исполняли победный гимн. Зоя легко ступала рядом, часто поглядывая на меня, нежно улыбаясь. Мы говорили о какой-то сущей ерунде, а наши сердца в унисон неустанно твердили: люблю, люблю!

Зоя пригласила зайти к ней в гости. Мое сердце сильно сжалось, потом мягко заныло и рухнуло куда-то в область пяток. Дома обедал ее брат Стас, который очень мне обрадовался. Он стал увлеченно вспоминать концерт рок-музыки, но вдруг осекся:

– Стой. Что у тебя с лицом?

– Пустяки, – улыбнулся я, – бандитский кулак.

– Стасик, Юра меня защищал, – сказала Зоя. – У него может быть сотрясение мозга.

– Не может, – возмутился я, – чтобы чему-то сотрясаться, нужно это иметь.

– Ну не шути так, – оборвала меня Зоя, превращаясь в строгую медсестру. – Ты, Стасик, давай беги по своим делам, а я займусь раненым. – Потом повернулась ко мне и скомандовала: –

Так, сначала ты, Юра, выпьешь крепкого чаю. Потом на глаз компресс положу. Кажется, еще медные пятаки хорошо...

Стоит ли говорить, что я с готовностью согласился на этот медицинский эксперимент. За мной ухаживала самая лучшая девушка. А я лежал на диване, чувствуя как моего лица касаются ее легкие пальцы, вдыхал молочный ветерок её дыхания и блаженствовал. Если и есть счастье, то вот оно! Рядом и вокруг, как теплое оранжевое облако, из которого она появилась после нокаута.

На моём глазу лежал марлевый компресс, я улыбался, как Деточкин после премьеры «Гамлета». И вдруг, ни с того ни с сего, вспомнил один разговор с Лешкой. Он тогда закрыл дверь своей комнаты, как-то криво улыбнулся и протянул мне пачку фотографий с не вполне одетыми девицами.

– Это я их фотографировал, – гордо сообщил он, ожидая похвалы.

– Какая грязь! – прохрипел я, чувствуя приближение приступа тошноты.

– Ничего подобного. Очень даже чистые девочки. Все из приличных семей. Хочешь вот с этой сегодня познакомлю. У нее вечеринка будет. Есть возможность стать настоящим мужчиной. Она уже опытная.

– Нет!

– Зря.

– Отстань.

– Как хочешь.

...Резко привстал я на диване и потряс головой, отгоняя гнусные воспоминания. Зоя присела рядом и положила руку на плечо:

– Что с тобой? Тебе плохо?

– Нет, Зоинька, всё хорошо.

Долго смотрел на девушку. Она смутилась. Рядом с ней я испытывал неописуемое блаженство. Мне всё нравилось в ней: глаза, ресницы, пухлые губы, легкий румянец, проступающий на смуглых щеках, каштановые волосы, заплетенные в косу, легкие руки, чуть покатые плечи, упругая фигурка... Даже вот эти округлые колени, которые она прикрывала руками. Даже этот свежий молочный запах её дыхания. Даже белые шерстяные носки, в которых она ходила по дому. Всё! Буквально всё в этой девушке мне нравилось и вызывало восторг. В моем сознании те, раздетые девицы с фотографий, и Зоя никак не соединялись. Конечно, я помнил её в спортзале на уроках физкультуры и гаденькие шутки, которые отпускал Лешка по поводу ее шерстяные носки, в которых она ходила по дому. коенкиеки с легким румянцем, проступающим сквозь смуглость фигурки, обтянутой физкультурным трико. Но разврат и Зоя воедино никак не соединялись.

– Зоя, можно с тобой поговорить на одну очень щекотливую тему?

– Попробуй, – выдохнула она, еще больше смущаясь.

– Мы взрослеем, – начал я медленно, осторожно подбирая слова. – Мои друзья уже попробовали на вкус запретный плод. Вокруг меня постоянно звучат разговоры на эту тему. А мне все это противно. Понимаешь?

– Да, Юра. Мне это знакомо. Может поэтому я почти всегда одна.

– Скажи честно, как другу. Ведь ты, наверное, тоже чувствуешь эти взрослые желания?

– Да, конечно, – кивнула она, не поднимая глаз. – Я ведь живой человек.

– И как ты с этим справляешься?

– Я сказала, что я тоже живой человек. Но я не животное, понимаешь?

– Да, конечно.

– Значит, нужно научиться эти... желания как-то обуздывать. Наверное, этому нужно учиться, как учатся ходить, говорить, готовить обед. Просто научиться... для того, чтобы не потерять человеческий облик. Чтобы будущему супругу в глаза смотреть было не стыдно.

– Спасибо, Зоя. Тебе, наверное, непросто было говорить об этом?

– Ну, в общем, да. – Она подняла глаза и положила руку мне на предплечье. – Но с тобой это не так трудно, как с другими. Ты умеешь понять девушку. Я тебе доверяю. Полностью.

– Спасибо, – кивнул я, едва сдерживая подступившую к сердцу волну теплой нежности.

– Ну что, дорогой гость, – вспорхнула она, легко вставая с дивана, – не пора ли мне тебя накормить? А то ведь на чае долго не протянешь. Вставай, Юрик, пойдем в столовую.

Мы зашли в ванную, помыли руки под струей воды, побрызгались по-детски, вытерли руки одним полотенцем. В просторной кухне-столовой сел за круглый стол, а хозяйшка засуетилась между холодильником и плитой.

– А я сидел за своим одиноким столом, – комментировал вслух происходящее, – и любовался девушкой. И всё-то в ней было так ладно: и эти плавные движения рук, изящные наклоны гибкого стана, и редкие, но такие теплые, взгляды её чарующих персидских очей.

Зоя молча продолжала разогревать котлеты с гречневой кашей, выкладывала в фарфоровый салатник маринованные огурцы с квашеной капустой.

– Я любовался этой девушкой-совершенством и представлял себе её в роли своей законной жены.

Зоя шаловливо глянула из-за плеча и полусшепотом произнесла в пространство:

– Продолжай...

– ... И никак не мог представить! – закончил я импровизацию. В меня полетело полотенце, я автоматически увернулся, поймал и протянул хозяйшке. – А вот бросаться разными предметами в горячо любимого гражданина – политически безграмотно и идеологически неверно.

Она подлетела ко мне, подбоченилась и готова была сказать что-то дерзкое. Не успела. Я поднялся и крепко обнял ее за плечи. Она дернулась, тихонько заскулила и обмякла. Я гладил ее поникшую головку, длинную теплую шею и шептал на ушко:

– Она чувствовала себя пленницей, попавшей в тиски его мощных объятий. Это её поначалу ошеломило. Но потом... Потом она обмякла и, не зная почему, сама обхватила тонкими руками его мощную широкую спину.

– Не дождешься! – взвизгнула она. – Немедленно отпусти!

– Пожалуйста. – Поднял я руки к потолку. Она чуть отстранилась и продолжала стоять, в упор глядя на меня.

– Не делай так больше, – прошептала она смущенно, – пожалуйста. Я ведь тоже живой человек...

– Прости. И я живой. Пока еще.

– Садись, а то котлеты сгорят.

– Да не волнуйся. Если ты даже землю из цветочного горшка мне в тарелку положишь, я все равно слопаю с аппетитом. «Из рук твоих и яд приемлю!»

– А ты можешь быть опасным. – Нахмурилась она.

– Иллюзия. – Замотал я головой, уплетая котлету. – Рядом с тобой, я как теленок на привязи. Скорей, ты для меня представляешь опасность.

– Это какую же?

– Не какую, а чем. Вот этим. – Обвел я вилкой ее изящный силуэт. – Мне всё это очень нравится и притягивает внимание. Так что ведите себя, милая барышня, поскромней. Пожалуйста.

– Сейчас снова полотенцем получишь. – Улыбнулась она.

– Так вот для чего ты меня сюда вероломно заманила? Чтобы продолжить избиение! Всё вам неймётся! Так и мечтаете сжить со свету белого.

– Да, такого сживешь. Где сядешь, там и слезешь.

– Ну, это не совсем так. Особо опасны в этом вопросе друзья. Ты им спину подставляешь, а они так и норовят в тебя полотенцем или еще чем запустить. «Вот так с шутками и прибаутками народ встречает долгожданный праздник».

Потом Зоя читала мне «Барьер» Павла Вежинова и смотрела на меня так, будто слышала мои мысли. А я в это время летал со странной девушкой Доротеей над ночным городом:

«– Встань, Антоний! – тихо произнесла она. – И не бойся, я не причиню тебе зла.

Я покорно встал.

– Дай мне руку!

Я протянул ей руку. Ее пальцы показались мне неожиданно теплыми и сильными.

– А теперь, Антоний, взгляни на небо. Ты должен привыкнуть к нему... Скоро, Антоний, ты почувствуешь удивительную легкость. Словно ты стал вдруг воздушным... Молчи... Ответь мне только, чувствуешь ли это, да или нет?

– Да! – сказал я немного погодя.

– Вот мы и взлетели, Антоний!.. Расслабься... Не делай резких движений. И главное, не думай ни о чем!.. Вот и все – будь счастлив!

Голос ее звучал необычайно звонко и мелодично. Я даже не почувствовал, как мы отделились от террасы. Мы летели в вышине, под нами дрожали огни города. Они были нам видны, как с самолета, идущего на посадку. Мы словно плыли среди безбрежного моря огней. И все-таки это было непохоже на полет самолета, мы не летели, мы парили, как птицы с надежными, крепкими крыльями. Я ощущал и свое тело, и воздух, омывавший меня, словно вода.

– Тебе не страшно, Антоний? – спросила она. – Да или нет?

– Нет, нисколько!

– Хочешь, поднимемся выше?

– Да!.. Да!..

Мы летели к звездам, которые становились все крупнее и ярче. Ураганный ветер бил мне в лицо, лоб мой застыл, ноздри расширились. Я не был в этот миг ни бесчувственным, ни бесплотным, ее рука, ставшая, как мне показалось, еще сильнее, еще горячее, крепко сжимала мою. Потом ураган стих, хотя воздух сделался почти пронизывающе холодным. Мы снова парили в вышине, но теперь я видел одни звезды, резавшие мне глаза своими алмазными гранями.

– Доротея, где же земля?

– Под нами! – ответила она. – Не бойся, мы летим на спине.

– Ты летала когда-нибудь прежде, Доротея?

– Много раз, Антоний.

– Сколько?

– Не знаю. Но это не так просто... Мы не можем взлететь, как птицы, когда захотим.

Голос ее постепенно слабел. Видно, она была права: нам нельзя было разговаривать. Наверно, это отнимало у нее силы. Мы спускались все ниже и ниже, я уже ясно различал дороги со скользящими по ним огоньками машин. Потом начал различать улицы и площади, даже отдельные здания с их неоновыми коронами. Я ощущал, как ее рука постепенно остывает в моей, как дрожат ее пальцы.

Я почти не заметил, как мы коснулись теплого бетона террасы. Мы не приземлились, а опустились на нее, точно птицы.»

– Чем?.. – начал я и поперхнулся. За окном темнело и я спешил узнать, что дальше. – Так чем же это закончилось?

– Неужели не ясно? – прошептала Зоя. – Она умрет, а он будет страдать.

– Почему именно так! Это неправильно.

– Это жизнь... Слушай.

«– Совершенно страшное преступление, – ответил он. – Доротею убили. Спросишь, как? Ее сбросили из окна верхнего этажа или с высокой террасы – такой, как ваша, например. Тело ее изуродовано, кости перебиты, прости, что я тебе об этом напоминаю...»

У меня потемнело в глазах, хотя я и ожидал, что он скажет нечто подобное. Но я быстро взял себя в руки и спросил:

– Почему ты считаешь, что ее сбросили, а не она выбросилась?

– Потому что там, где нашли труп, нет никакого строения. Очевидно, ее перенесли после... А кто мог это сделать, кроме убийцы?

Он рассуждал, конечно, вполне логично. ... Естественно!.. Что еще можно подумывать? Неужели нормальный человек мог допустить, что она просто упала с неба?»

– И что дальше?

– Ничего. Просто он испугался и не захотел летать.

«Я вернулся домой. Я чувствовал себя не столько несчастным, сколько безмерно опустошенным. Зачем я не сказал ему правды? Он, конечно, не поверил бы. Решил бы, что я сошел с ума! Ну и что из этого? Разве правда не превышает всего? Какая бы она ни была! Если я погубил ее своим ничтожеством или слабостью, то какое оправдание мог придумать мой злосчастный рассудок?

Я старался утешить себя надеждой, что не виновен в ее смерти. Разве я думал, что случится несчастье? А что, если она нарочно сложила крылья? Но какой смысл обвинять себя или оправдываться? Нет силы в мире, способной вернуть к жизни единственное человеческое существо, которому было дано летать.

Поздно вечером я с тяжелым сердцем поднялся на террасу. Я не посмел взглянуть на небо, на невзрачные звезды, слабо мигавшие у меня над головой. Они никогда не будут моими. У меня нет крыльев взлететь к ним. И нет сил. Доктор Юрукова сразу же угадала, я никогда не перешагну барьера. И не поднимусь выше этой нагретой солнцем голой бетонной площадки, на которую время от времени садятся одинокие голуби.»

– А ты, – спросила Зоя, опустив глаза, – ты смог бы летать?

– Если с тобой, то конечно!

Прощались мы долго. Стояли в прихожей и не знали, что делать. Я боялся прикоснуться к ней, она тоже. Наконец, она глубоко вздохнула, потянулась ко мне и едва коснулась губами уголка моего рта.

– Зоинька, я сейчас умру, – прошептал я, пытаюсь унять дрожь в голосе.

– Не надо, – едва слышно выдохнула она. – Живи. У тебя это хорошо получается.

Я вышел из квартиры. Сбежал по ступеням. Вылетел из подъезда и, не помня себя, не чувствуя ног, воспарил... в самое небо.

В тот вечер и в ту ночь я не думал о смерти. В ту ночь я очень любил и ценил жизнь!

Последний год детства

Майские дни и ночи наполнились неожиданной тревогой. Сладкой и тягучей, как мёд. Острой, будто кинжал в сердце. Нежной, как улыбка возлюбленной и легкое касание девичьих пальцев. Всюду, где бы я ни находился, всей кожей чувствовал, где сейчас находится Зоя. Мы обменивались долгими взглядами, вздыхали и посылали друг другу записки, полные туманных намеков и многоточий. Это было мучительно и сладко. Мы ходили по краю пропасти. Мы боялись друг друга. Казалось, одно неосторожное касание наших рук – между нами проскочит молния и убьет нас. В моей горячей голове непрестанно пульсировали ее слова «я ведь живая» и еще Лешкины «брюнетки – они темпераментные!»... И вдруг меня пронзала острая жалость к девушке, а потом эта жалость медленно переползала на меня. Мы стали будто рабами в кандалах. И мне это вовсе не нравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.